

18 марта 1981

В сборнике «Контакт», куда вошла одноименная фантастическая повесть, «Круг» и «Шестой этаж пятиэтажного дома», новая вещь отбрасывает неожиданные тени на страницы, уже знакомые читателю. В контексте книги и она сама воспринимается как определенный итог размышлений о герое, о времени, об их взаимоотношениях в повседневности, в будничном цейтноте. Цейтноте, когда недосуг, как говорили в старину, «подумать о душе».

КОНСПЕКТ ЖИЗНИ «ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

В азербайджанской прозе последних лет, пристально разрабатывающей тему «обыкновенного человека», его неудавшейся или полуудавшейся жизни, жизни по инерции, нарушаемой изредка сполохами незапрограммированного будущего, загадочными огнями счастья, надежды мелькнувшими за окном, шорохом колес серебристого фургона мечты, которому наутро предстоит стать обычным автофургоном (вспомним предыдущие повести Анара «Круг» и «Шестой этаж...», «И не было лучше брата» М. Ибрагимбекова, рассказы и повести Эльчина), появился, наконец, новый герой — «деловой человек». Причем, минуя «нижние этажи» (Потапов, Чешков и т. д.), он шагнул сразу на «верхний этаж» темы — это деловой человек довольно высокого управленческого звена, и в этом выразилась одна из важнейших тенденций современности, одна из острейших потребностей современной литературы, театра, кинематографа (вспомним хотя бы «Картину» Д. Гранина). «Цейтнот» — повесть, в которой, несомненно, узнаешь знакомую конкретную среду и многих ее ежедневно встречающихся представителей, но по значению, по уровню затронутых проблем она лишена какого-либо «местничества», и это — главная ее удача. Успеть — очень важное слово для писателя: не оказавшись, подобно герою, в духовном цейтноте, цейтноте мысли, успеть сказать свое слово о том, что волнует именно сегодня и неизбежно устареет завтра, уметь не только слушать Время, но и оперативно (уместно здесь это газетное слово) реагировать на его толчки, анализировать их последствия.

Повесть «Цейтнот» появилась вовремя. Это — конспект жизни «делового человека». Конспект — потому, что в нем коротко (не в ущерб глубине характера), лаконично, емко сказано о многих проблемах. Сто лет назад уместно было бы подобную повесть назвать «дневником». Но кто сейчас читает или ведет дневники? И потому слово «конспект» как нельзя лучше соответствует духу повести, ее стремительному темпу, ее динамике и ироническому эпиграфу, в качестве которого взята выразительная азербайджанская поговорка: «Ни дел, ни времени».

Главы этого конспекта:

1. КАРЬЕРА.

2. ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ. Женщины. Друзья. «Контакты масок».

3. КОНТАКТ В ЦЕЙТНОТЕ.

КАРЬЕРА. По исходным данным своей биографии новый герой очень похож на своих предшественников, «обыкновенных людей», многие из которых продолжают быть его ровесниками, его друзьями, соседями, сослуживцами и даже — родными. У него есть с ними общие черты, но их немного. Фуа-

ад Мехтиев — человек, сделавший себя сам. Остался ли он при этом человеком? В каких обстоятельствах? Есть ли у него вообще такая потребность? — вот какие проблемы исследует автор, а вместе с ним и читатель «Цейтнота». Этот характер помещен в реальный жизненный раствор, где происходит его кристаллизация — происходит жестко, без литературного лицемерия, обычно из благородных побуждений сглаживающего тревожную остроту проблем дежурным оптимизмом. От каких черт «обыкновенного» (да и просто порядочного) человека успешно избавляется герой, наращая локти и зубы для жизненной борьбы? Нет, это совсем не человек без чести и без совести, который шагает себе и шагает вверх по лестнице, не оборачиваясь, — будь все так просто, не стоило бы и говорить о нем. Сложность в том, что Фуа-

ад Мехтиев — человек, в том числе и тех маленьких предательств, о которых не знает никто или знает очень ограниченное число людей (к счастью, безобидных, вроде Аси, или, например, Октай, которые не смогут и не захотят помешать в его восхождении наверх), вполне объяснимы с точки зрения житейской логики. Их не понял бы только отец, бывший фронтовик, человек прямой, прямой и жесткий (но он вообще многого не понимал, за что и поплатился должностью директора школы), и даже маленький, вполне приемлемый компромисс с жизнью казался ему предательством, шкурничеством, двурушничеством. Когда-то, может, были нужны именно такие люди — умеющие только работать, не щадя ни себя, ни других, для которых мир был только черно-белым. Нужны были своему времени — суровому и жесткому, как они сами.

тателя от чрезмерного оптимизма. Так как же: **время другое** — или просто **время других**?

Если это будет просто другой Ахмед Назар — умнее, «усовершенствованней», но с той же безопасной резольцией «Не возражаю», с мимикрией под деловитость, или другой Шовкю Шафизаде (а подобные люди заинтересованы в таких, размноженных в поколениях, копиях самих себя), что же тогда, говоря языком деловых людей, будет «иметь» Время? Не окажется ли оно само тогда в опасности цейтнота, мало что выиграв, когда выиграют просто «другие»; выиграют себе должности, карьеру, секретарш, жен со связями. При этом обществу будет совсем немножко перепадать от их неуемной деловитости — ровно столько, сколько они сочтут нужным ему «выдать», чтоб самим удержаться на

своим крылом даже царственная птица — она бы улетела ни с чем, обескураженная: он просто сделал бы вид, что этот мираж ему привиделся на почве переутомления — только вечной любви еще не хватает, когда день и так расписан по минутам! Если его литературный предшественник Заур именно в любви пытался стать личностью и хотя бы недолго, по молодости лет, бунтовал против инерции будней и условностей, против роли, навязанной ему другими, то Фуад Мехтиев совершенно лишен этих «комплексов». Никаких сумасбродных поездов, никакой вечной аморальной любви, никаких философствований, никаких народных песен, никаких ночных телефонных звонков, никакого шестого этажа романтики в надежном пятиэтажном доме карьеры (архитектурные излишества и тут ни к чему). Отношения

лет натужно демонстрирует жизнерадостность по любому поводу и охотно олицетворяет непорочную юность и верность ее туманным идеалам, часто именно этим оправдывая свою бездельность и несбывшиеся надежды. Как есть поэты, вошедшие в историю только одной книгой или даже — одной строчкой, так есть и люди только одного поступка. Таков — Октай. Кажется, что он и жил ради той, действительно смелой, искренней речи на похоронах Фуада Салахлы. Но — не мало ли?

Бывает, что и лицо человека со временем или в каких-либо ситуациях подменяется маской. Психологи пишут о «контактах масок», объясняя это никак не лицемерием, а необходимой самозащитой в повседневной жизни, в смене тех социальных и других ролей, которые человек переживает даже в течение одного дня: есть роль Преданного семьянина, Своего в доску. Строгого руководителя, Хорошего парня, и т. д. Октай — не однообразная ли это роль только Бескорыстной порядочности и Бескомпромиссной юности?

Вот почему одна из самых интересных страниц «Цейтнота» — очередной внутренний монолог героя, саркастически обращенный к другу юности и бескорыстному строителю сельских бань.

КОНТАКТ В ЦЕЙТНОТЕ

Так происходит ли этот контакт в привычно-будничном цейтноте или нет? Контакт людей — а не их масок? И когда? И не выдумали ли мы, наконец, цейтнот сами — чтоб на него взвалить обременяющую нас человеческую ответственность за близких и далеких людей? Он есть, этот контакт (вспомним минуту, когда Ахмед Назар просит Фуада о своем приемном сыне), — так же, как есть он в живой жизни, и это делает ее неутихомячивой, незапрограммированной, нелогичной. От этой яркой, неожиданной, вдруг мелькнувшей искры — больно. Но боль — признак живой, а не мертвой ткани. И потому «встреча с самим собой» происходит у героя гораздо чаще, чем думает об этом друг юности, чаще, чем хотелось бы ему самому. Это память о детстве, его детских униженных эпизодах, сыгравших решающую роль в становлении его характера (выразительно и остро написан «кудрявый мальчик», уже умеющий делать совсем взрослое дело — умирать, умирать тихо, вежливо, с улыбкой). Маленькое подлое предательство по отношению к отцу, к которому вынудил его Зейдулла — будущий «носильщик № 12». Беспомощное письмо Аси и цветы для Румийи. И, наконец, родители, недолгие к ним визиты (сорок минут в неделю), их любовь к внукам (не повторяют ли те уже, помню воли отца, «кудрявого мальчика» его детства?), последний разговор с матерью — страницы, написанные словно в беспощадном свете дня.

Не так легко «деловому человеку» быть просто человеком — и вот этого он, кажется, не успевает. Или успевает? Как говорится в одной из повестей Анара, здесь гораздо больше вопросов... За несколько минут до открытия выставки (где будут «все») герой что-то решает для себя. Что? Будет ли это что-то кардинально важное для его жизни? Или это будет очередной беспринципный вариант для дальнейшей карьеры? И что он предпочтет «иметь», а что — «не иметь»?...

Н. АЙРАПЕТОВА.

ИМЕТЬ ИЛИ НЕ ИМЕТЬ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОЙ ПОВЕСТИ АНАРА «ЦЕЙТНОТ», ВЫШЕДШЕЙ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ». ГЕРОЙ ЕЕ — «ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК», КОТОРЫЙ ОБЯЗАН РЕШАТЬ СЛОЖНЫЕ ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ.

да Мехтиева искренне интересует дело, которым он занят, призван заниматься и воплощать в жизнь — новый архитектурный облик Баку. Он убежден (верим в это и мы), что может многое для этого сделать — хватит и сил, и способностей. Ко всему он обладает четкими административными навыками. Есть у него и совесть. Есть и порядочность. Но — в меру, не в ущерб карьере. Есть корректное умение побеждать врагов. Есть и умение прощать — когда мщение (как в случае с «носильщиком № 12») было бы слишком мелко и недостойно его крупной игры. Есть у него и тактика ежедневной жизни, и ее разработанные приемы. Словом, это человек, который уже в молодости решил для себя деловой вопрос — «иметь или не иметь» вместо гамлетовского «быть или не быть». У которого есть все — положение, связи, деньги, семья, карьера и такой тесть, как Шовкю Шафизаде.

Чего же у него нет?

Совсем немногого, без чего, впрочем, он вполне может обойтись и обходится. У него нет того, что отличает «обыкновенных людей» и что делает хотя бы ненадолго незаурядным его литературного предшественника — заурядного Заура Зейналлы, или одного из его соперников — Охотника, погибшего так нелогично, вопреки всему течению всем обеспеченной жизни. (Охотник погибает, спасая автобус «с чужими детьми», и Фуад Мехтиев склонен это благородство объяснять исключительно неразумными винными парами). Кстати, Фуаду Мехтиеву предоставлялась несколько раз возможность жить и умереть на высокой ноте альтруизма и самопожертвования, но надо отдать ему должное — он ни разу не воспользовался этой возможностью, не теряя никогда, даже в самые счастливые минуты жизни, своей главной способности — считать. Он успевал, как варианты шахматной партии, проигрывать в уме свою жизнь (с этого и начинается повесть «Цейтнот») — и выбрать по выигрышному варианту. Именно так он рассчитал начало своей карьеры. Многие из его поступков,

— но время их истекло.

А еще истекло время Ахмеда Назара, тоже бывшего фронтовика, но оказавшегося абсолютно бездарным и некомпетентным руководителем, не способным решить реально ни одного вопроса, — непосредственного «шефа» Фуада Мехтиева, доживающего последние дни среди правительственных телефонов, бесполезных совещаний, фальшивого почета. Истекло время и талантливого, смелого, бескомпромиссного Фуада Салахлы, не воплотившего в жизнь ни один из своих проектов. Похоже, что истекло время и его верного ученика, друга юности героя — неудачника Октая, в свои сорок лет воплощающего в жизнь из всех заветов Учителя только проекты сельских бань. И, пожалуй, не истекло еще время Шовкю Шафизаде, сумевшего когда-то заполучить в лице своего будущего зятя умного и преданного союзника вместо умного и опасного соперника, способного выжать свое и состричь купоны с любого времени, не вступая с ним в конфликт, а терпеливо дожидаясь, когда новые идеи созреют не только у него в душе, но и «наверху», в соответствующих инстанциях — и тогда можно будет их отстаивать и в полной безопасности, и со всей гражданской смелостью.

Время — тоже герой «Цейтнота». Любое время многолико и неоднозначно. И каждое поколение многолико и неоднозначно тоже. Важно определить и уловить общую их «равнодействующую», чтобы понять и прочесть его почерк, а по нему определить картограмму эпохи (которая нынче вполне может уложиться в какие-нибудь пять — десять лет).

В повести «Цейтнот» есть буквально две строчки, взрывающие в сознании целый пласт жизненно важных и для общества, и для каждого отдельного человека нравственных проблем: размышляя о последних днях шефа, судьба которого решена, Фуад Мехтиев думает: «...время его, Ахмеда Назара, и вообще ахмедов назаров, прошло. Не то нынче время! Другое! Других!» И именно это торжествующее словечко — «Других!» — настораживает и предостерегает чи-

коне с беспринципной репутацией «руководителей современного типа». И если в предыдущих повестях Анара исследуется пагубность этой вторичности в личной жизни героев, простого, под копирку, воспроизводства в личной жизни черт и «традиций» (под которыми живут чаще всего условности и дремучие предрассудки, а не подлинная нравственность народа), то в «Цейтноте» этот вопрос ставится несравненно шире, масштабней, бескомпромиссней, жестче. И это — тоже требование сегодняшнего дня, тоже отметина Времени на его деловом календаре. Потому что плоха и бесперспективна для общества любая копия — даже благородная копия Фуада Салахлы. И от того, личность или копия чьей-то личности «деловой человек», стоящий на высокой ступени управления, зависит многое, и не только его собственная судьба: в ее орбиту втянуты судьбы многих и многих людей. От этого зависит и нечто жизненно важное для общества — доверие к его идеалам, его нравственным ценностям, к тому высокому и непреходящему, благодаря чему и общество, и время движется вперед, а не просто меняет местами стеклянные сосуды, пересыпая один и тот же вечный песок...

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ. Женщины. Друзья. «Контакты масок».

Во многих фильмах и книгах личная жизнь «делового человека» выдается ему в столь же неизменных и безопасных дозах, как стандартная фраза из характеристики: «скромен в быту». Ну, конечно, Фуад Мехтиев скромен в быту — еще не хватало рисковать всем, чего он добился, из-за этой «нескромности». Он подумывает иногда о романчике с юной секретаршей Нелли, осуществить который он никогда не посмеет вовсе не из-за нравственных устоев, а из-за того, что на этом может прерваться его путь наверх. И жизнь Фуада Мехтиева не поражена никакими любовными катаклизмами, никакими вспышками, которые часто в том же быту непозитивно и однозначно характеризуются «аморальным поведением». Коснись героя

героя с женщинами уже с юности подчинялись его главному умению считать. Предоставляя машинистке Асе, женщине старше него, с маленькой дочерью и старой матерью на руках, преданно любить (и содержать!) себя на ее жалкую зарплату, занимая у нее деньги, чтоб делать подарки своей будущей невесте (надо в одном отдать должное герою — он вспоминает об этом со стыдом), отводя четкое место в иерархии чувств Рейхан (нужно корректно, «почеловечески» расстаться — пора!), Фуад Мехтиев заранее знает, что не это будет определять его судьбу. Что же? Разумеется, любовь к жене — дочери Шовкю Шафизаде. Любит ли он Румийю? Безусловно, любит — как главный приз, доставшийся ему на ринге жизни, где ему случилось быть и битым (вспомним унижительный для героя день — день рождения Румийи), где, может быть, и будут еще поражения, но где Румийя всегда будет золотой медалью победителя. Правда, возникают иногда неуместные и непрошенные вопросы — можно ли любить, например, женщину, откровенно презирающую родителей мужа и воспитывающую это чувство в собственных детях? — но лучше об этом не думать, потому что изменить все равно ничего нельзя. Да и нет в этом никакого смысла.

Друзья? Кажется, сама эта часть конспекта не имеет права на существование — нельзя писать о том, чего нет. Нельзя считать друзьями ни сослуживцев, ни тем более Ахмеда Назара, ни предполагаемых заместителей, остается разве что один человек, понимающий его — Шовкю Шафизаде, удачно сочетающий в одном лице и «руку», и «нужного человека», и человека близкого. Все? Все. А Октай? Октай — прошлое, в настоящем они говорят на разных языках.

С прошлым у человека особые отношения.

У каждого из нас, видимо, есть такой «друг детства» или «друг юности», которых мы чтим за прошлое, но которые редко живут с нами в одном настоящем — оно у них свое, часто — только продолжающееся прошлое. Иногда это люди — из породы тех, кто и в сорок